

Материалы к истории юкагирского «племени» шоромба.

Название и происхождение. Как было давно отмечено, этноним *шоромба* произведен от принадлежащего к лесному (южному) юкагирскому языку слова *шоромо* – «мужчина, человек» [Никонов 1984: 63]. В тундренном (северном) юкагирском языке нет ни звука *ш*, ни слова *шоромо*; таким образом, шоромба принадлежали к кругу южноюкагирских общностей и на той территории, где их застают русские источники XVII в. (средне-верхняя Индигирка), были, вернее всего, пришельцами, некогда отступившими сюда из более южных районов под натиском тунгусов.

Границы территории шоромба и их соседей были детально рассмотрены Б.О. Долгих [Долгих 1960: 403–405¹], и его выводы могут быть лишь несколько детализированы и уточнены. К Подшиверскому зимовью с севера выходила территория юкагиров-янгинцев, с юга к нему подходила близко территория шоромба [403]. Род колымского шамана-юкагира Порочи прибыл на территорию шоромба (в составе которых с тех пор оставался) в 1643 г. с Колымы «через камень» [404]; под этим «камнем» (т.е. горным районом), отделяющим основную территорию шоромба от того участка бассейна Колымы, где жил ранее Пороча, могло подразумеваться только Алазейское плоскогорье, через которое на территорию шоромба попадали бы с Нижней Колымы и из бассейна Седедемы². В 1648 г., согласно русскому сообщению, аманаты-алазейцы заявляли, что алазейских юкагиров не пропускают с Алазеи на Колыму «неясачные люди, которые живут на камени, шоромборы и ононги» (которые в том же документе далее называются «ононзи») [РГАДА, ф. 1177, оп.2, ст.6, л.19; 405]. Соответствующим «камнем» могла быть, опять-таки, только Алазейское плоскогорье. «Ононги/ононзи» здесь едва ли надо вслед Б.О. Долгих [390, 406] считать оторвавшейся от своего основного ареала частью племени онойди / ононди: последнее жило очень далеко отсюда, в верховьях Яны³; ни из каких источников не видно, чтобы какая-то особая группа ононди обитала отдельно так далеко на востоке. Скорее это передача названия общности верхнеколымских юкагиров-когимцев: наряду с термином *когимэ* другим их обозначением было *онмун омни*, т.е. «колымский народ» [420; Онмун – лесное юкагирское название Колымы⁴, *омни* – «народ» на лесном юкагирском]. При этом известно, что в юкагирском языке стандартным обозначением народа, в том числе по рекам было не *омни*, а *-ды* ‘люди’ (например, подгруппы тех же когимцев назывались *хорходонды*, *чахадэнды* и *ньяатпэнды*, т.е. люди с реки Коркодон, люди с реки Чахадэн=Ясачной и люди с реки Поповка=Ньяатпэн⁵). Стандартным обозначением народа *онмун омни* – «народа реки Онмун» должно было быть, таким образом, **онмун-ды*, «люди реки Онмун», а русская транскрипция *ононги/зи* в документе 1648 г. могла бы одинаково отвечать и форме *ононди / онойди*, и форме **онмун-ды*. Наконец, «река» на тундренном юкагирском – *онун*, а на лесном – *унун* [Иохельсон 2005: 462, 465]; форма **онун-ды* означала бы просто «речной народ» и также могла бы передаваться русским *ононги/зи*.

Поэтому сообщение алазейских аманатов вероятнее толковать следующим образом: к 1648 г. западная часть Алазейского плоскогорья была занята неясачными, т.е. независимыми шоромба, а по восточной его стороне (и, очевидно, далее в низинах, тянущихся к Колыме)

¹ Поскольку мы особенно часто ссылаемся на эту работу Долгих, ниже числа в квадратных скобках без дополнительных указаний отсылают к соответствующим страницам названной работы.

² Из любых более южных районов бассейна Колымы в землю шоромба попадали бы не «через камень», а, наоборот, по низинной полосе между Момским хребтом и Алазейским плоскогорьем.

³ О нем см. [389–391; Гурвич 1966: 12].

⁴ Иохельсон 2005: 462.

⁵ Иохельсон 1898: 276; Иохельсон 1900: 106 сл.; Спиридонов 1930/1996: 25.

обитали неясчные **онмунды* (resp. «ононги, ононзи»⁶), т.е. оставшиеся независимыми группы верхнеколымских юкагиров – *когимэ* (они же *онмун омни*, **онмун-ды*). Оставаясь непокорными русской власти, они и не пропускали лояльных этой власти алазейских юкагиров на Колыму.

Если изложенная интерпретация правильно, то получится, что на юге алазейские юкагиры непосредственно граничили с *когимэ* / *онмун омни*. О том же, вероятно, говорит сообщение колымского юкагира шамана Порочи в 1643 г. о том, что «алазейские [юкагиры] мужики ходят по вся годы на Ковыму реку к ковымским [юкагирам] мужикам к пешим и к оленным в гости» [ОРМ 31: 128]. Тундренные нижеколымские юкагиры (омоки) к этому времени давно были оленными (без оленей кто-то из них мог остаться разве что по несчастью, и таких, конечно, не стали бы выделять в качестве особой постоянной группы «пеших» юкагиров наряду с «оленными»), так что «пешими и оленными» должны были называться именно верхнеколымские юкагиры-когимцы (или когимцы и омоки вместе): у таежных в основном когимцев оленеводство не могло быть так развито, как в тундре, и с точки зрения деления на «оленных» и «пеших» большинство из них должно было быть именно «пешими». Таким образом, алазейцы во всяком случае поддерживали тесные контакты с когимцами.

По сообщению другого русского документа, ок. 1647 г. Андрей Горелый ходил на некий «камень», где взял аманатов с шоромбовских юкагиров; Б.О. Долгих считает этим «камнем» область истоков Бадярихи и Буор-уряха [405], т.е. крайние северные отроги Момского хребта, но с равным успехом это может быть тот же «камень», что и выше, т.е. Алазейское плоскогорье.

В ареал шоромба входила и часть бассейна Ожогоиной, где ок. 1669 г. кочевал род шоромбоя Надучи [405].

В 1644 г. служилый Лавр Григорьев докладывал, что «Индигирской реки от порогу пошла вершина х Ковыме реке, а имя де ей Мома. А по той де вершине живут юкагири и ламутки многие, а промышляют де соболи, а ясаку де государева с себя не дают» [ОРМ 31:126]. В том же документе это сообщение практически дословно повторено служилым Иваном Ерастовым: «Да Индигирской реки вершина пошла вершина х Ковыме реке, а имя той вершине Мома. А по той де вершине живут юкагири и ламутки многие, а промышляют соболей, а ясаку де государева с себя не дают» [ОРМ 31:128]. Б.О. Долгих понял это указание как относящееся к *верхней* Моме [403, 404]. На деле, однако, оно относится ко всей Моме: «вершиной» в приведенных пассажах совершенно однозначно называется не верхнее течение Момы, а вся Мома как верхний приток (=«вершина») Индигирки: у Индигирки есть отходящая от нее выше порога «вершина» (верхний приток), и имя той «вершине» Мома; по этой «вершине» = по всей Моме и живут «юкагири и ламутки многие». Территориально это должны были быть именно юкагиры-шоромба: у устья Момы кочевал хорошо известный шоромбойский род «князца» Люкочи и шамана Чанжи⁷, в начале 1670-х союзный ламутам и действовавший совместно с ними [403; ср. ниже]. При этом еще и в сообщении 1656 г. при отчете о событиях 1655 года указывалось, что «зимую де Ламутов по Моме не живет», и они прикочевывают туда только весной, на летние месяцы [ДАИ IV 25].

⁶ Альтернативный вариант – считать, что это была какая-то подгруппа нижеколымских юкагиров-омоков или верхнеколымских юкагиров-когимцев, именовавшаяся «речным народом», **онун-ды*. Однако поскольку источник употребляет термин «ононги/зи» наряду с «шоромборь», как термин того же ранга, вероятнее, что термин «ононги» обозначал юкагирскую общность того же уровня, что и шоромба, то есть либо когимцев, либо омоков целиком; тогда либо его надо толковать как *онмунды*, либо считать, что когимцы либо омоки имели дополнительное ино- или самообозначение *онунды/унунды* «речной народ». В последнем случае такое название скорее могли бы иметь когимцы, жившие в значительной степени рыболовством, чем омоки, являвшиеся прежде всего тундренными оленеводами. Таким образом, при любой интерпретации «ононги», мешавшие алазейцам приходиться с уплатой ясака на Колыму, были скорее всего неясчными когимцами. Альтернативой было бы считать, что имеется в виду какая-то группа неясчных омоков или оторвавшаяся от своего ареала и зашедшая далеко на восток ближе неизвестная группа ононди с Верхней Яны.

⁷ См. в целом: ДАИ III 75; Долгих 1960: 403; 401, табл.127.

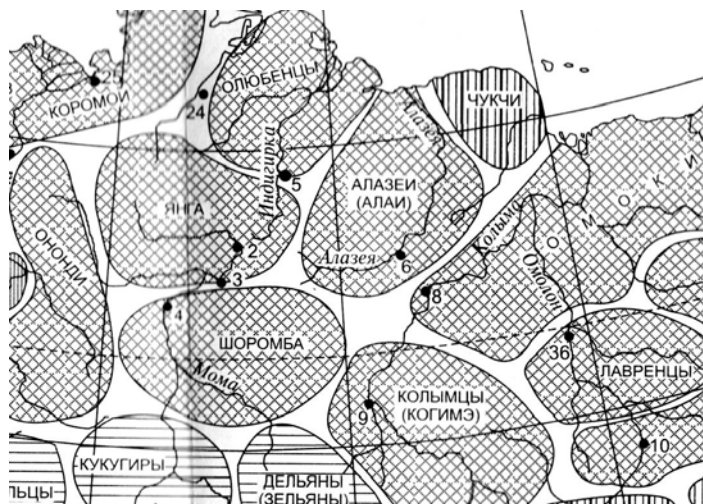
Таким образом, южные пределы шоромба в середине XVII в. выглядели следующим образом: район устья Момы был центром обитания шоромбойского рода Люкочи, распространявшегося на всю долину Момы; при этом в ту же долину (а не только в верховья Момы, как полагал Б.О. Долгих) на лето приходили кочевать ламуты, с которыми род Люкочи поддерживал тогда дружественные отношения. Можно думать, что это были распространявшиеся от истоков Момы ламуты Дельянского рода: именно дельянци были известны плотными контактами и частичным смешением с юкагирами⁸.

Две трети шоромба платили ясак в Подшиверское зимовье, треть – в Зашиверское [400]; взгляд на рельеф местности помогает понять логику этого разделения: видимо, основная масса шоромба жила к северу – северо-востоку от Момского хребта, и она платила ясак главным образом в Подшиверском зимовье, в то время как большая часть шоромба, обитавшая юго-западнее Момского хребта (т.е. выше Зашиверского зимовья по Индигирке и Моме) – в Зашиверском.

В целом границы шоромба, как они вытекают из вышеизложенного, в уточненном сравнительно с реконструкцией Б.О. Долгих виде (как и сами его реконструкции разных лет) приведены ниже:

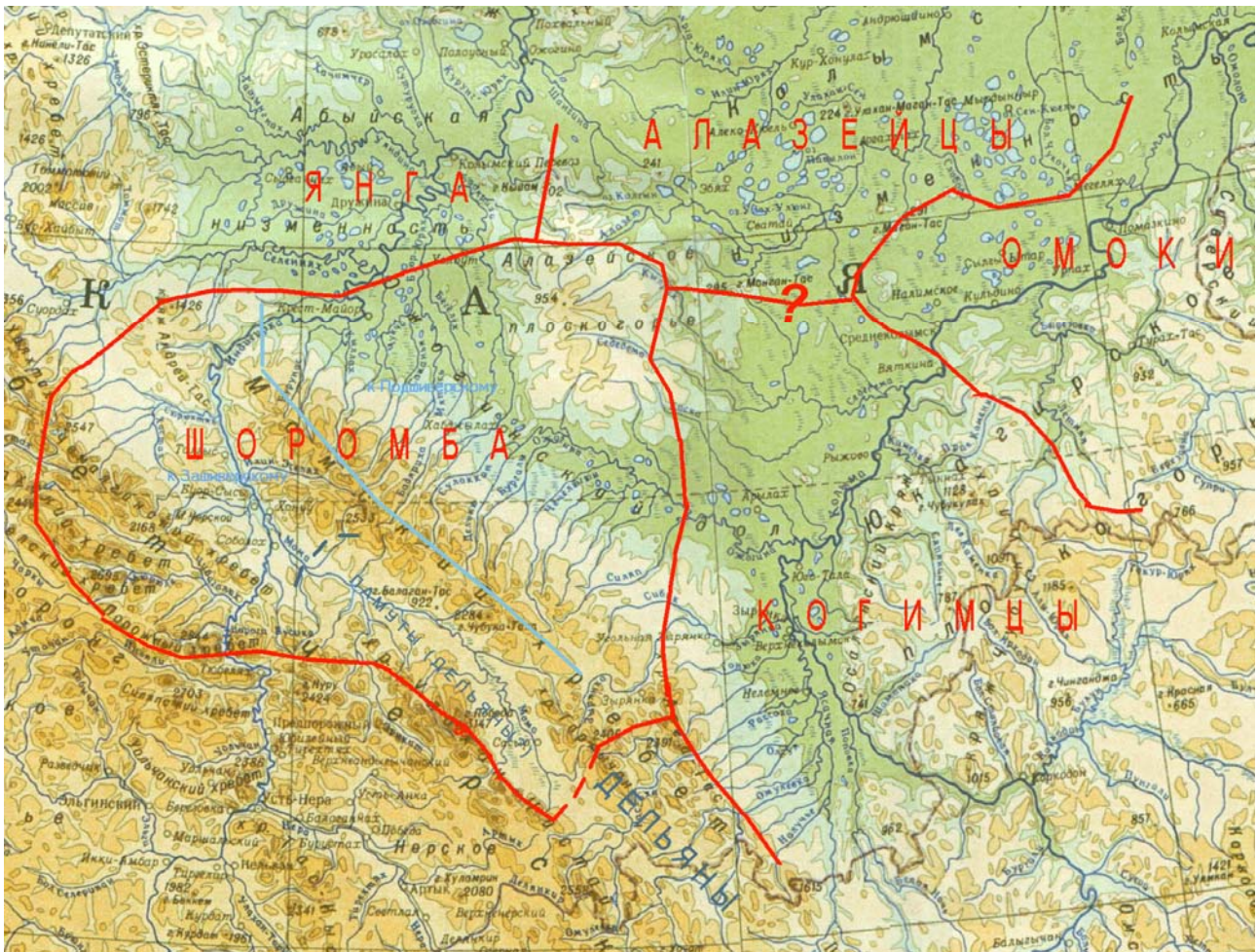

[Долгих 1970]

[Долгих 1957]

⁸ См. Долгих 1960: 390, Гурвич 1966: 12, 70 сл. о Зельянском юкагирском (или юкагиризованном ламутском) роде и его связях с Дельянским ламутским родом.

уточненные границы шоромба с учетом рельефа

Численность и родовой состав. После полного объяснения шоромба, согласно данным ясачных книг за 1656 г. у них было ок. 90 реальных плательщиков / добычииков ясака (считая с аманатами), что отвечает общей численности примерно в 360 человек [399]. К этому моменту в составе шоромба числилось по ясачным книгам 12 родовых групп, одна из которых (род колымского шамана Порочи) прибыла в самом начале 1640-х гг. с Колымы и влилась в состав шоромба [401]. Средняя численность родовой группы – 30 человек – показывает, что эти «роды» были группами совместного кочевания. Шесть родовых групп платили ясак в Подшиверском зимовье⁹, т.е. обитали в основном в восточной части ареала шоромба, к северо-востоку от Момского хребта: род колымского шамана Порочи; род «князца» Пелевы; род «князца Нозеги (Велкого)... и сына его... Бурнашка»; род «Надуни и брата его шамана»; род «Поря (Олиты)»; род Одылвоя [401]. Род Надуни кочевал, возможно, по Ожогиной¹⁰. Другие шесть родовых групп платили ясак в Зашиверском зимовье, т.е. обитали в основном к юго-западу от Момского хребта. Из них только одна родовая группа – род Люкочи и Чанжи – значится уже и в ясачных книгах за 1652 г. (первоначально, до налаживания функционирования Зашиверского зимовья, и она платила ясак в Подшиверске), остальные в 1652 еще не были объяснены, но уже в 1656

⁹ Упомянуты, в частности, в ясачных книгах за 1652 и 1656 [401].

¹⁰ В 1648 г. в распоряжении русских властей было три аманата от шоромба: Иченду «Пелевин», т.е. сын князца Пелевы; Шельга, сын шамана Порочи; Нодуча «Нодучин», т.е. сын Нодучи [405]. Согласно другому документу, ок. 1669 г. юкагир-шоромба Надуча Нобугин кочевал по Ожогиной [там же]; он был либо отцом Нодучи Нодучина, либо, вероятно, его потомком. Возможно отождествлять эту группу с родом «Надуни» из ясачных книг. Отметим, что согласно ясачным книгам, в 1652 и 1656 г. аманатами-шоромба числились еще и Кочюрей («Кочюрейко») из рода Пороя (Олиты), Кондыля из рода Одылвоя и Чалба из рода Люкочи и Чанжи, а в 1656 – еще и Ковыченга из рода Ятанги Каболгоева [401].

значатся в ясачных книгах. Эти шесть родовых групп были: «усть-момские юагири» – род «князца» Люкочи и его брата шамана Чанжи, живший при устье Момы и выше [401, табл.127; 403; ДАИ III 75]; род Ятанги Каболгоева; род Лукта; род Миндовки; Кокорин род, возглавлявшийся в 1656 г. внуком Кокори Аулем; род «мужиков Шоромбы» (Нелита, Тобурай, Поганя и др., всего 11 чел.) [401].

Отношения с другими юагирскими «племенами». Шоромба поддерживали тесный союз с юагирами-янгинцами, своими северными соседями. В 1642 г. они вместе осаждали Уяндинское зимовье (лежавшее на территории янгинцев и далекое от шоромба) [404] и вместе же ожесточенно враждовали с юагирами-олюбенцами (северными соседями янгинцев)¹¹, хотя и с ними граничили только янгинцы, а шоромба с олюбенцами никак не соприкасались; сами олюбенцы прямо говорили, что война у них именно с янгинцами, а вражду с ними из-за этого ведут и янгинцы, и шоромба [ОРМ 32: 133]. Создается впечатление, что шоромба в союзе с янгинцами были младшими партнерами последних. Судя по тому, что в челобитной Ивана Ерастова янгинский князец Уянда именуется «юагирский низовский у шоромбойских и у энгинских мужиков [вместе!] лутчей князец Уянда» [ОРМ 32: 132], Уянда считался верховным вождем (или самым могущественным из родовых глав) янгинцев и шоромбойцев вместе, что опять-таки говорит о доминировании янгинцев в янгинско-шоромбойском союзе.

Олюбенцы, в свою очередь, были очень дружны с алазейцами [404; олюбенский «князец» Бурулга был названным братом алазейского «князца» Невгочи], а шоромба с алазейцами, как мы помним, враждовали, не пропуская их к колымским юагирам [405]; зато с самими колымскими юагирами у шоромба как будто конфликтов не возникало (ср.: колымский юагир Пороча со своим родом прибыл погостить на территорию шоромба и в итоге остался там [404]). Таким образом, существовали две устойчивые ассоциации, враждебные друг другу: янгинско-шоромбойская и олюбенско-алазейская.

Отметим, что слово «янг» (йан) значит «берёза» на тундренном языке [Иохельсон 2005: 471]; таким образом, янгинцы были одной из групп носителей северных, тундренных юагирских диалектов. Это, как видим, не мешало им поддерживать тесный союз с шоромба – одним из племен носителей южных, лесных юагирских диалектов, несмотря даже на существенный языковой барьер между ними. Ср.: алазейские юагиры, носители тундренного языка, поддерживали дружественные контакты с когимцами, носителями лесного языка, регулярно наезжая к ним в гости (см. выше).

Кроме того, шоромбойский род Люкочи – Чанжи, живший по Моме, поддерживал тесные контакты (вплоть до кочевания на одной территории) с ламутами (см. выше), так что этот род русские документы называли иногда «ламуцкими юагирами» [403].

Шоромба в 1639-1656 гг.

Первое соприкосновение шоромба с русскими состоялось весной – в начале лета 1639 г., когда Посник Иванов с примерно 30 служилыми людьми перешел через горы с Верхней Яны на Индигирку, в район шоромбойско-янгинского пограничья, и стал там станом на берегу Индигирки. Шоромбойское (или шоромбойско-янгинское) ополчение вышло против него и вступило с ним в сражение, в котором русские потеряли много лошадей: юагиры считали их самым опасным оружием врага и пытались выводить из строя в первую очередь их. Бой кончился поражением юагиров, причем было захвачено двое пленных, обращенных в аманаты – «князец Полева» (= шоромбойский князец Пелева в ясачных книгах) и шаман Пискун. 16 августа 1639 «шоромбойские и янгинские пешие и оленные мужики» атаковали

¹¹ Олюбенцы даже просили создать для них отдельное ясачное зимовье, чтобы их аманаты не содержались вместе с аманатами из янгинцев и шоромба, так как при совместном помещении с последними те перебили бы аманатов-олюбенцев. Олюбенские князцы Морле и Бурулга били челом в 1641 г.: «Пожалуйте-де, казаки, наших детей, кои у вас сядят в аманатах, в Верхнее Индегерское зимовье [до 1667 г. так называлось Подшиверское зимовье] к шоромбойским и к энгинским [янгинским] мужикам не возити, потому что-де у нас с энгинскими мужиками бой живет по вся годы и наших бы детей ваши шоромбойские и энгинские аманаты по насердью убили» [ОРМ 32; 403 сл.].

стан Посника Иванова (бой происходил на суше и на воде и шел весь день) и отбили аманатов, но при этом попал в плен и был сделан аманатом один из главарей другого шоромбойского рода – «лутчей шоромбойский мужик шаман Юляду» [ОРМ 32] (он же, вероятно, Олита из ясачных книг?), и юкагиры отступили. После этого, в сентябре 1639 г., Посник Иванов основал Подшиверское зимовье (до 1667 г. именовалось Индигирское Верхнее зимовье, в 1667 переименовано в Индигирское Среднее [396]) для сбора ясака с янгинцев и шоромба¹². В этом зимовье и держали Юляду, под которого, как сообщает Иван Ерастов, с тех пор его шоромбойский род исправно платил ясак [ОРМ 32: 131]. 13 сентября 1639 Посник Иванов, наскоро соорудив струги, двинулся из Подшиверского зимовья вверх по Индигирке на местных янгинцев и шоромбоев и взял с них ясак на 148 (1639/1640) год (видимо, в частности, и с рода Юляду); вскоре после этого он с 15 людьми и собранным ясаком ушел в Якутск (куда прибыл 25 августа 1640 г.), оставив в Подшиверском зимовье Кирилла Нифантьева с другими 15 людьми. В 1641 г. в зимовье прибыл Дмитрий Ерило (он же Дмитрий Зырян) сменить Нифантьева, и последний убыл с ясаком в Якутск [см. обо всех этих событиях 1639-1641 гг. ДАИ II 88; ОРМ 32: 131 сл.; ОРМ 31:127; Миллер 2005: 83 сл.; Фишер 1774: 387]. Дмитрий Ерило (Зырян) был приказчиком Подшиверского зимовья в 1641–1642 гг. [РМЛТО: 323].

В 1639-1642 гг. объяснена, однако, была лишь небольшая часть шоромба, ближайшая к Подшиверскому зимовью. В частности, в аманаты был обращен (видимо, Дмитрием Зыряном) шоромбойский «князец шаман» Шенкодей, и под него в 150 = 1641/42 г. Дмитрию Зыряну был заплачен ясак, однако после этой единственной выплаты род Шенкодея ничего не платил, хотя Шенкодей оставался аманатом¹³. Род Пелевы так и оставался независимым и не платил ясак, поскольку Пелева смог уйти от Посника Иванова в августе 1639 г. [ОРМ 131: 127].

В декабре 1642 г. янгинцы и союзные им группы шоромбоев вместе осадили и атаковали Уяндинское зимовье, однако были отбиты (об этом сообщает челобитная Прокопия Краснояра, см. [404; Окладников и др. 1977: 45].

Ок. конца 1642 г. или в апреле 1643 г. с Колымы на территорию шоромба, в район близ Подшиверского зимовья, прикочевал в гости к каким-то своим проксенам-шоромба колымский юкагир «князец шаман» Пороча с частью своего рода. Он был тут же подчинен русской властью, обратившей его в аманата, задержан ей на Индигирке и в итоге влился со своей родовой группой в состав шоромбойцев¹⁴. В 152 = 1643/1644 г. Пороча еще оставался

¹² Иногда считается [Огородников 1922: 63 и др.], что это было Зашиверское зимовье. Однако указание Ивана Ерастова: «Да 148-го году в сентябре поставили мы... на Индегерской реке зимовье с косым острожком выше Уяндины реки 2 днища» (= два дневных перехода) [ОРМ 32:131] – однозначно показывает, что речь идет о Подшиверском зимовье, как и считает Б.О. Долгих [396]. К тому же, как сообщает здесь же Иван Ерастов, из этого зимовья Иван Посников пошел на стругах вверх по Индигирке против янгинцев и шоромбоев [ОРМ 32: 132]; но идя вверх по реке из Зашиверского зимовья, нельзя было соприкоснуться с янгинцами, а идя вверх из Подшиверского – можно.

¹³ Об этом сообщается в расспросных речах служилого человека Лавра Григорьева, где Шенкодей именуется «шерогонским» (т.е. шоромбойским) князцом шаманом (в том же документе его имя приводится и в форме Шелкодей) [ОРМ 31: 126 сл.]. Шенкодей, расспрошенный Григорьевым в Подшиверском зимовье в 151 (1642/1643) г., в своих рассказах чудовищно преувеличивал численность своего рода, заявляя, что в нем 400 человек; единственным мотивом этого преувеличения могло быть желание отпугнуть русские власти в Подшиверском зимовье от намерения посылать людей на его род и взыскивать с него ясак, от уплаты которого он уклонялся, и действительно, Лавр Григорьев докладывал, что «промыслить над ними [родом Шенкодея] некому, потому что де безлюдно» [ОРМ 31:127], т.е. недостаточно служилых людей, чтобы посылать на род Шенкодея. Характерно, что несмотря на неуплату ясака, Шенкодей оставался аманатом (такое положение дел было общей практикой: если «под аманата» его родичи и не платили ясак, его все равно не лишали жизни, хотя в заложниках держали именно ради уплаты ясака).

¹⁴ Датировка прибытия Порочи на Индигирку вытекает из того, что, согласно расспросным речам служилого человека Лавра Григорьева, уже в 151 (сент. 1642 – авг. 1643) г. в Подшиверское зимовье прибыл из Якутска приказ Дмитрию Ерилову (Зыряну) проверить «речи юкагирского шамана» [Порочи] относительно заколымских месторождений серебра, и во исполнение этого приказа Лавр Григорьев расспрашивал вновь Порочу и особо от него Шенкодея [ОРМ 31: 125 сл.]. Коль скоро сообщение о речах Порочи было отправлено с

аманатом [ОРМ 31: 127], но позднее был отпущен, а вместо него аманатом за его род стал сын Порочи Шельга (числится аманатом в списке 1648 г., см. ниже).

В середине 1640-х гг. объясачивание шоромба продвинулось при Андрее Горелом, который, в частности, ок. 1647 г. ходил на «Камень» брать аманатов у до того неясачных шоромбойских юкагиров [405]. Между 1643 и 1648 г. род князца Пелевы был вынужден подчиниться и выдал аманатом сына самого Пелевы, Иченду¹⁵. В 1648 в распоряжении русских властей было три аманата от шоромба: Иченду сын Пелевы, Шелага сын Порочи и Нодуча сын Нодучи (возможно, с реки Ожогойной, см. выше) [405], однако общее число объясаченных шоромба составляло в 1648 г. не более 50 человек (5 зарегистрированных плательщиков ясака¹⁶ с общим окладом в 23 соболя [399] при обычном окладе в 2-4 соболя с человека), то есть лишь малую часть шоромба; очевидно, и ясак на них был наложен облегченный. В том же 1648 г. алазейские юкагиры указывали, что живущие на Алазейском плоскогорье («камне») неясачные шоромба и неясачные «ононги» не пропускают алазейских плательщиков ясака на Колыму [405].

К 1650 г. фактическое руководство объясачиванием шоромба перешло к начальникам Уяндинского (Яндинского, тж. называлось Средним Индигирским до 1667 г. и Нижним Индигирским с 1667 г.) зимовья. В 1650 г. торговые и промышленные люди просили начальника Уяндинского зимовья, Константина Степанова Дуная, снарядить с их участием экспедицию вверх по Индигирке «за шиверы» (пороги) для покорения тамошних юкагиров (шоромба) и ламутов. Дунай отправил такую экспедицию под началом служилого человека Ивана Ильина [398], и в результате ее действий была объясачена значительная часть зашиверских шоромба и ок. 1653 основано Зашиверское зимовье для сбора с них ясака [там же; ср. обсуждение в: Окладников и др. 1977: 38 сл., 74]. Тем временем еще в июне 1650 г. из Якутска в Уяндинское зимовье был направлен на смену Константину Дунаю Фома Кондратьев, а вместе с ним отряд Андрея Горелого, посланный на покорение зашиверских шоромба и ламутов по верхней Индигирке и Моме [ДАИ III 75]. 12 или 17 ноября 1650 г. Кондратьев и Горелый прибыли в Уяндино и Кондратьев принял его у Дуная [ДАИ III 75; Вилков 1987: 14-15]. Тем временем на исходе 1650 г. в Подшиверское зимовье (где распоряжался Филипп Анцифоров) прибыл «наскоре» на оленях все тот же «колымский шаман» Пороча с товарищами и сообщил, что из-за Камени (Момского хребта) в районы, близкие к Подшиверскому зимовью подкочевали необъясаченные еще зашиверные «ламуцкие юкагиры» (они же «усть-момские юкагиры») – князец Люкоча сын Нежаги со своим родом; что он, Пороча, «сошелся» с ними и уговаривал их подойти к Подшиверскому зимовью и объясачиться, но они отказались. Пороча передал все это в качестве информации, позволяющей выслать людей для покорения оказавшегося в пределах досягаемости рода Люкочи. У Анцифорова на такое предприятие не хватало сил, и случившийся в это время в Подшиверском зимовье служилый человек Павел Малафиев отписал обо всем этом в близкое Уяндинское зимовье; это извещение пришло в Уяндинское зимовье 10 или 13 января 1651 г. [ДАИ III 75, ДАИ III 76]. Кондратьев и Горелов немедленно выступили вверх по Индигирке

Индигрики в Якутск в такой момент, что приказ, отданный из Якутска в качестве реакции на это сообщение, пришел в Подшиверское зимовье уже в 151 г., само переселение Порочи на Индигирку состоялось едва ли позднее 150 г. Согласно документу, составленному служилым человеком Прокопием Красноярром, значит, однако, что Пороча пришел на Индигирку с Колымы через камень 23 апреля 1643 г. [404]. Если здесь нет ошибки, то путь гонца с извещением об этом из Подшиверского зимовья в Якутск и путь ответного наказа проверить его речи из Якутска уложились в промежуток май – до конца августа 1643 г. (так как 151-й год истекал с концом августа 1643-го).

¹⁵ В речах Лавра Григорьева при описании ситуации 1642-1643 гг. род Пелевы описан еще как не платящий ясака (о Пелеве сообщается, что он оказался было взят в аманаты Посником Ивановым, но ушел от него, и потому ясака он и его люди не платят) [ОРМ 31: 127], а в списке аманатов от индигирских юкагиров за 1648 г. значится Иченду сын Пелевы [405].

¹⁶ Зафиксированные в документах плательщики нередко платили ясак не только за себя, но и за целую группу охотников, выступая в качестве ее представителя при уплате ясака. Определить это можно по соотношению числа официальных плательщиков ясака и оклада их ясака в соболях: если он превышает 4-5 соболя на человека, то, скорее всего, плательщик уплачивал ясак не только за себя).

и пришли в Подшиверское зимовье. Кондратьев и Анцифоров отправили на Люкочу соединенную экспедицию силами в 50 служилых и промышленных людей под началом Омоса Михайлова, Шестака Сергиева и Андрея Горелого; им удалось схватить в аманаты двух братьев Люкочи – шамана Чанжу и Нюлюлцу; на обратном пути оба они бежали, но Чанжа был вновь схвачен и доставлен в Уяндинское зимовье 20 или 22 февраля 1651 г. Род Люкочи счел за лучшее покориться: весной 1651 г. к Чанже в Уяндинское зимовье приехали его родичи, включая его жену Акчанову, изъявили покорность и привезли ясак. Фома Кондратьев по их просьбе освободил Чанжу, заменив его в качестве аманата на его младшего сына. Чанжа просил его отпустить с ним Горелого к устью Момы, чтобы тот привел в русское подданство и других зашиверских юкагиров, однако Кондратьев не стал снаряжать этой экспедиции [ДАИ III 75, ДАИ III 76]. Таким образом оказался объяссачен крупнейший род зашиверских шоромба – род Люкочи, а в начале 1650-х экспедиция Ивана Ильина объяссачила и остальных зашиверских шоромба (что завершилось основанием Зашиверского зимовья ок. 1653 г., см выше: в ясачных книгах за 1652 г. этого зимовья еще нет, за 1655 г. – есть [398]).

Покорение рода Люкочи и начало деятельности Ивана Ильина (1650-1651 гг.) немедленно сказались на числе ясачных шоромба: согласно ясачным книгам, в 1652 г. платили ясак уже все 6 родов, подчиненные Подшиверскому зимовью (Порочи, Пелевы, Нозеги, Надуни, Пороя / Олиты и Одылвоя) и род Люкочи [401], всего примерно около 250 человек (7 официальных плательщиков ясака, с окладом, однако, в 236 соболей [399]!). Покорение прочих зашиверских родов должно было завершиться, как упоминалось, ок. 1653 г.

Независимыми, однако, оставались еще ламуты долины Момы – давние союзники Люкочи. В конце 1654 г. Кирилл Ванюков, приказчик Уяндинского зимовья в 1654/55 – 1657 [см. РМЛТО: 324], двинул было Ивана Овчинникова, приказчика Зашиверского зимовья в 1654-1658 гг. [там же], в поход на Мому ясачить тамошних ламутов, однако вдогонку послал ему предписание вернуться в Зашиверское зимовье и сидеть там, так как стало слышно об «изменном заводе» части зашиверских юкагиров, в том числе, по-видимому, все того же рода Люкочи, и о том, что зимой на Мому ламуты не приходят. Судя по содержанию отписки какие-то зашиверские шоромба достаточно явно вышли из подчинения. Весной 1655 г. Ванюков отправил на Мому из Зашиверского острога отряд под началом Якуна Степанова брать аманатов, и тот забрал аманатом некоего шамана (вероятно, ламутского). Шаман принес покорность за свой род, но ясака с него в том (163 = 1654/1655) году взять не успели, и около весны 164 г. (т.е. весны 1656 г.) на Мому Ванюковым вновь был отправлен Иван Овчинников «для поимки аманатской и для опыту соляные вари» [отписка Ванюкова = ДАИ IV:25; на момент составления этой отписки летом 1656 г. результаты похода Овчинникова были еще неизвестны]. Овчинников имел успех, так как с 1656 г. ламуты уже появляются среди плательщиков ясака в Зашиверском зимовье [398].

Операции на Моме завершили покорение шоромба, и в 1656 г. ясак платили уже все роды шоромба, включая 5 зашиверских родовых групп, не значившихся еще среди плательщиков ясака в 1652 г. (роды Каболгоева, Нелиты и др., Лукты, Миндовки и Ауля) [401, табл.127], всего около 360 человек населения (23 официальных плательщика ясака с окладом 349 соболей [399]), а также ламуты долины Момы и смежных районов. Полнота контроля над этими ламутами увеличивалась, объяссачивались новые их группы, и с 1662 г. число ламутов даже превышает число юкагиров среди ясачных плательщиков Зашиверского зимовья [398]; вероятно, ламуты, видимо, стали кочевать здесь постоянно, а не приходить на весну-лето с зимних кочевий, лежавших за бассейном Момы, как ранее (в том числе еще в 1655–1656 гг.). Характерно, что большинство зашиверских юкагиров, покоренных между 1652 и 1656 гг., платили ясак без аманатов [401, табл. 127].

Шоромба после объяссачивания. Разгром «ламуцких» / момских шоромба.

Объяссачивание, разумеется, ухудшило материальное положение шоромба: в 1659 г. юкагиры Шоромбойского «рода» жаловались, что после уплаты ясака им «корму взяти стало

негде» и они «девок своих на корм продавали и оленишки приели» и не могут платить ясак далее [Токарев 1945:273; Гурвич 1966:21; Гурвич 1970:258]. Однако большинство шоромбойских родов, попав к середине 1650-х гг. в зависимость от русских властей, уже не выходили из нее. Исключение составлял момский («усть-момский») род Люкочи и Чанжи – «ламутские юкагиры». Судя по тому, что в ясачных книгах за 1652 г. и 1656 г. он значится как род Чанжи, Люкоча в 1651/52 г. умер, и его родовую группу возглавил его брат Чанжа. В течение 10 лет, вплоть до времени управления в Зашиверском зимовье Андрея Булыгина (весна 1664 – апрель 1666 г. [см. ДАИ IV 151:406 и ДАИ V 66]. При Булыгине Чанжа, по-видимому, сговорился со своими традиционными союзниками – момскими ламутами поднять при смене приказчика восстание против русских властей и уничтожить Зашиверское зимовье. Между тем в 1665 из Якутска на смену Булыгину был послан Козьма Лошаков. 5 апреля 1666 года Козьма Лошаков, прибыв в Зашиверское зимовье, принял его у Булыгина, а его самого отослал в Якутск. 17 апреля 1666 г. «Зашиверского острожку ясачные люди ламутки и юкагири, Чанжа с родом своим», подняв восстание, напали на острожек, намереваясь уничтожить гарнизон и увести аманатов, но были отражены с боем и отступили. 5 сентября 1666 г. они вторично атаковали Зашиверское зимовье и «приступали накрепко», но Лошаков и его люди отсиделись, и Чанжа и его союзники-ламуты снова отошли. Около октября 1666 г. род Чанжи и ламуты истребили на «Камне» (хребте Черского) отряд служилых из Якутска, что шел на Индигирку через Камень, но почти сразу после этого союзники Чанжи, ламуты, обратились против него и уничтожили самого Чанжу и почти весь его род; лишь немногие спаслись и один из спасшихся, Тогурямо, добежал до Зашиверского зимовья и рассказал там о происшедшем (8 ноября 1666 г.)¹⁷. Ламуты, овладев тем самым всей долиной Момы, 16 февраля 1667 г. в третий раз атаковали Зашиверское зимовье, но Лошаков отразил приступ и на этот раз; ламуты бежали, и уже 19 февраля 1667 г. от большинства из них прибыли в зимовье представители с изъявлением покорности и ясаком. Часть, однако, так и оставалась незамирившейся. 7 марта 1667 г. ясак в Зашиверском зимовье заплатил ламутский род, возглавлявшийся ламутом по прозвищу Медвежья Парка, остававшийся все это время лояльным и не принимавший участие в восстании. 9 июня 1667 на тех ламутов, что так и остались непокорными, из Зашиверского зимовья Лошаковым был отправлен отряд служилых под началом Михаила Лобанова вместе с 4 промышленными людьми и 50 лояльными юкагирами Зашиверского зимовья (т.е. шоромбоями) – иными словами, Лошаков осуществил мобилизацию большей части воинов шоромба вообще! Силы Лобанова разгромили ламутов «на Камню» (на склонах хребта Черского), и те изъявили покорность и выдали аманата, хотя потом задерживали ясак (между прочим, 28 января 1668 Медвежья Парка снова заплатил ясак по доброй воле). Весной 1668 г. побежденные Лобановым ламуты дали, наконец, аманатов и стали исправно платить ясак. От всего рода Чанжи осталось 8 человек (в том числе некий «Гришка») прибежавших с Момы на Индигирку после гибели Чанжи и большинства сородичей осенью 1666 г. Таким образом, бассейн Момы в результате событий 1666 г. выбыл из ареала шоромба и полностью отошел к ламутам [см. обо всем этом ДАИ V 66 – отписку Козьмы Лошакова].

В 1675-1676 г. путь в Зашиверское зимовье осуществлялся конными обозами по маршруту Якутск – Верхоянск – Зашиверское; в это время в зимовье числилось 86 ясачных «юкагирей» [ДАИ VI 136] (значительную часть из этих номинальных «юкагирей» составляли ламуты; ламутов, плативших ясак в Зашиверское зимовье, сводные отчеты стали отделять от плативших ясак туда же юкагиров только с 1681 г., до того покрывая тех и других вместе термином «юкагири» [398, прим. 151]).

¹⁷ Восстание началось в апреле 174 (= апреле 1666 г.). По описке Б.О. Долгих воспроизвел эту дату как «1674 г.» (вместо 1666 г.), так что все эти события ошибочно датированы в его работе 1674 г. [403], и эта ошибка иногда воспроизводится в литературе [Вилков 1987: 12]. Документ прямо датирует смену Булыгина Лошаковым и первое нападение на Зашиверск апрелем 174 года (= апр. 1666г.), второе нападение – сентябрем 175 года (сент. 1666 г.), а сообщение «Тогурямка» зашиверским властям – ноябрем 175 года (ноябрь 1666 г.) [ДАИ V 66].

Судьба шоромба в XVIII в.

В 1657, 1669 и 1693 г. ареал шоромба был затронут эпидемиями оспы [398]. Численность шоромба по данным ясачных книг может быть оценена примерно в 360 человек (ок. 90 реальных плательщиков/добытчиков ясака, считая с аманатами) для 1656 г., но лишь в 230 человек (58 реальных плательщиков/добытчиков ясака, считая с аманатами) для 1681 г. [399]; это падение численности надо связывать с разгромом рода Чанжи ламутами, но особенно – с эпидемией оспы 1669 г. Численность шоромба в 1691 г., накануне страшной эпидемии оспы 1692/93 г., Б.О. Долгих оценивает в 200 человек [399]. В результате указанной эпидемии 1693 г. от северо-западных юкагирских племен «остались лишь незначительные горсточка людей» [Гурвич 1966: 65]. Шоромба, однако, пострадали не так сильно, как многие другие. В 1717 г. за Зашиверским зимовьем числилось 229 тунгусов и юкагиров (большая их часть была, очевидно, тунгусами; из этих 229 человек явилось платить ясак 117), а за Подшиверским (Индибирским средним) – 40 юкагиров (явилось 18) [Гурвич 1966: 67 прим.19]¹⁸. Поскольку в Зашиверском зимовье из юкагиров платили ясак только шоромбой (причем меньшая их часть), а в Подшиверском – большая часть шоромбоев и меньшая часть янгинцев, общую численность плательщиков ясака у шоромба в начале XVIII в. можно оценить примерно в 40 человек (около 160 человек общей численности). В 1723 г. реальных местных плательщиков ясака по всем Индибирским зимовьям (то есть Зашиверскому, Подшиверскому = Индибирскому среднему и Уяндинскому = Индибирскому нижнему) значилось уже только 88, из них юкагиров (т.е. шоромба, янгинцев и олюбенцев), по оценке И.С. Гурвича, примерно половина [Гурвич 1966: 67; многие ламуты откочевали к этому времени с Индибирки сравнительно с картиной, отраженной в документе за 1717 г.]; тем самым численность шоромба к этому моменту можно оценить примерно как 30 реальных плательщиков ясака (ок. 120 человек общей численности).

В середине XVIII шоромба, по-видимому, перестали существовать как отдельная общность: согласно переписи 1769 г. Подшиверское и Уяндинское зимовье больше не функционировали, а в Зашиверском зимовье платил ясак «Каменный род», созданный на основе верхнеянского юкагино-ламутского племени ононди (собственно «Каменный [юкагирский] род» начала XVIII в.¹⁹; как видно, к середине XVIII в. ононди расселились к Индибирке) с причислением к тому же «роду» большинства остатков шоромба и, возможно, каких-то групп ламутов [Гурвич 1966: 72]. В этом «Каменном роде» всего было 33 мужчины (около 70 человек), и доля потомков шоромба из них составляла едва ли более трети. К концу XIX в. он существовал как Каменно-юкагирский род Верхоянского округа [о последнем см. Иохельсон 2005: 95].

Другая часть остатков шоромба смешалась с ламутами, и это смешанное население составило два рода с тунгусскими названиями: Кунгурский (Кункугурский) и Тюгэсирский, кочевавшие от областей к востоку от Яны до областей до областей к востоку от Индибирки, в частности до Алазеи. В XIX в. в некоторых подразделениях этих двух родов доминировал юкагирский этнокультурный компонент, в других – тунгусский, и первая группа официально учитывалась как Первый и Второй Кунгурские юкагирские и Тюгэсирский юкагирский роды Верхоянского округа, а вторая, державшаяся южнее первой – как Первый Кунгурский тунгусский и Тюгэсирский тунгусский роды Верхоянского округа [Иохельсон 2005: 96 сл., ср. Гурвич 1966: 140 сл.], причем юкагиры Первого Кунгурского юкагирского рода ок. 1900 хранили предание об общем происхождении с тунгусами Первого Кунгурского тунгусского рода [Иохельсон 2005: 97]. Все это, очевидно, означает, что юкагирский компонент в

¹⁸ В Уяндинском = Индибирском нижнем зимовье, где платила ясак большая часть янгинцев и все олюбенцы, в 1717 числилось 117 плательщиков, явилось 31 [там же].

¹⁹ Не путать с другим «Каменно-юкагирским родом», состоявшим из юкагирского племени яндинцев («Гусиное племя»). «Каменно-юкагирский род», ведущий происхождение от яндинцев, переселился на восток и к концу XIX в. числился «Каменно-юкагирским родом» Колымского округа (он же Второй Алазейский род), а «Каменно-юкагирский род», представлявший собой потомков ононди и причисленных к их «Каменному роду» групп, к концу XIX в. числился «Каменно-юкагирским родом» Верхоянского округа [см. Иохельсон 2005: 92, 95].

перечисленных родах восходил к части шоромбоев (а также, видимо, части янгинцев и др.), смешавшейся с тунгусами исконных Кункугурского и Тюгэсирского родов [547].

Таким образом, шоромба уменьшились в численности примерно вдвое в результате оспенных эпидемий XVII в., но составляли на рубеже XVII/XVIII в. еще около 150 человек, а в течение первой половины XVIII в. исчезли, по неясным пока причинам, как общность. Одни их группы слились с ононди в «Каменный род» Зашиверского зимовья, а другие смешались с тунгусами кункугурами и тюгэсирами.

ЛИТЕРАТУРА:

Вилков 1987 – Вилков О. Н. Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск. С. 6-57.

Гурвич 1966 – Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука.

Гурвич 1970 – Гурвич И.С. Социальная организация юкагиров // Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. М.С. 248 – 263 (гл. VIII).

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I– XII. СПб., 1846–1875

Долгих 1957 – Б.О. Долгих. Карта расселения народов Восточной Сибири в XVII в. // История Якутской АССР. Т.2. М.

Долгих 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.

Долгих 1970 – карта к: Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. М.

Иохельсон 1898 – Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Изв. ИРГО. СПб., 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255–290.

Иохельсон 1900 – Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.

Иохельсон 2005 – Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск.

Миллер 2005 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература.

Никонов 1984 – Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М.: Наука. С. 44 - 69

Огородников 1922 – Огородников В.И. Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита.

Окладников и др. 1977 – Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. М.: Наука.

ОРМ – Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. док. / Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефимова. М.: Географ. лит-ра, 1951.

РМЛТО – Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. док. о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / Сост. М. И. Белов. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1952.

Спиридонов 1930/1996 – Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа / подг. С.Н. Горохов. Якутск: Северовед, 1996. (1-е издание: Советский Север. 1930. 9–10. С. 166–214).

Фишер 1774 – Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.